

Малыш без зубов, услышав это, не обиделся и продолжал глупо ухмыляться. Остальные ребяташки наперебой загалдели в знак согласия.

Он попытался стянуть с Гу Шутуна одежду, но не смог разобраться, как она застёгнута. Покопавшись без толку, он разозлился и выдрал у Гу Шутуна целый клочок шерсти.

— Гав-гав-гав! — Гу Шутун взвыл от боли, едва не потеряв равновесие. На ругать обидчика сил уже не оставалось.

Маленький тиран не испугался этого визга. Схватив за капюшон, он потащил Гу Шутуна к пруду:

— Я из-за тебя промочил обувь! Теперь мне ужасно некомфортно, отвечай за мои туфли!

У Гу Шутуна в глазах потемнело, и он мысленно выругался: «Да я тебя в воду не звал! Ты совсем рехнулся?!»

Мальчишка сунул его в воду:

— Я слышал, собаки умеют плавать. Ну-ка, поплыви!

Гу Шутун ещё не успел прийти в себя, как ледяная вода пробрала его до костей. Он вздрогнул и попытался выбраться.

Вода доходила ему до шеи. Мерцающая рябь колыхалась перед глазами, голова кружилась, мысли путались. Силы покинули его, и он беспомощно болтался на поверхности.

Подождав немного, маленький тиран увидел, что пёсик просто тупо стоит в воде. Он зачерпнул пригоршню и плеснул в него:

— Шевелись же!

Затем он грубо толкнул собачонку, но та и не думала плыть. Тогда мальчишка схватил её за капюшон и вытащил обратно.

На воздухе мокрая одежда прилипла к телу, и порыв холодного ветра заставил Гу Шутуна затрястись. Оставшись почти без шерсти, он почувствовал, что вот-вот сляжет с простудой.

Гу Шутуну было скверно и физически, и морально. Его бесило происходящее, и он изо всех сил внушал себе, что не злиться и кусаться не хочет.

Но маленький негодник не унимался, продолжая пищать и время от времени шлёпая его — то сильнее, то слабее.

Когда же тиран снова дёрнул его за мясистое ухо, Гу Шутун, не выдержав боли, впился в руку зубами.

— Ай! — Мальчишка взвыл, схватился за руку и повалился на землю, заливаясь рёвом. Его приятели тут же окружили его, а Гу Шутун поспешил сбежать.

— Как больно! У-у-у! Я его обязательно поймаю и отлуплю как следует!

Маленький тиран вскочил и бросился вдогонку. Гу Шутуну пришлось припустить, отчаянно желая поскорее добраться до Фу Сьюэ.

Сзади доносился детский плач, а в душе у Гу Шутуна копилась обида. Он никогда не испытывал такого унижения: тело ныло, голова гудела. Хотя он и пытался сохранить мужское достоинство, но не мог дать сдачи, и от этого его охватили ярость и желание расплакаться.

Чёрт, как же бесит!

Несясь вперёд на одних инстинктах, он влетел в холл. Не разбирая дороги, он нёсся вперёд, сшибая людей с ног и сея хаос.

Внимательно оглядевшись, он заметил Фу Сьюэ, стоявшего в углу и беседовавшего с кем-то. Гу Шутун рванул к нему словно пушечное ядро и вцепился в ногу.

Фу Сьюэ почувствовал удар и, взглянув вниз, увидел Гу Шутуна. Он уже собирался поднять его, но заметил, что тот промок до нитки: капюшон съехал набок, морда в царапинах со следами запёкшейся крови, а на голове не хватало доброй половины шерсти — оставшаяся мокрыми прядями прилипла к коже.

А в глазах Гу Шутуна стояли слёзы, и он смотрел на Фу Сьюэ с таким страданием, что у того моментально вскипела кровь:

— Что случилось?

Он подхватил Гу Шутуна на руки. — Господин Ли, у меня срочные дела, вынужден откланяться. — Не дожидаясь ответа, Фу Сьюэ направился к боковому выходу из холла. — Нужно тебя вымыть, иначе заболеешь.

Всю дорогу он молчал, лишь тяжёлое дыхание выдавало сдерживаемый гнев.

Ладони Фу Сьюэ были большими и тёплыми. Даже сквозь холодную мокрую ткань Гу Шутун чувствовал их тепло. Ему было зябко, и он невольно уткнулся макушкой в эту ладонь.

Фу Сьюэ, кипя от ярости, заметил этот доверчивый жест, глубоко вздохнул и попытался успокоиться.

Погрузившись в тёплую воду, Гу Шутун почувствовал, как по конечностям разливается тепло, и он постепенно оживал. Только теперь он позволил себе вспомнить произошедшее и не смог не осудить свою «трусость».

Подумаешь, выдрали клочок шерсти да облили водой — и сразу распустил нюни.

Никакого в тебе мужского духа, прямо как избалованный ребёнок. Никакого прогресса.

Гу Шутун вздохнул.

Как ни старался он себя корить, на душе оставалось тяжело.

Зато он снова убедился, какой Фу Сьюэ замечательный, и это его растрогало.

Переполненный противоречивыми чувствами, Гу Шутун устался на Фу Сьюэ.

Тот сидел на краю ванны в рубашке с закатанными рукавами и мыл его.

Он делал это очень тщательно и аккуратно, сантиметр за сантиметром промывая короткую шерстку на теле Гу Шутуна. Его движения были нежными — не то что грубые выходки тех

детей. По контрасту Гу Шутун особенно ясно ощутил, как же Фу Сьюэ хорош.

И щедр, и ласков, и всегда его балует.

Фу Сьюэ неспешно высушил Гу Шутуна феном, завернул в мягкое полотенце и лишь тогда направился обратно в главный зал.

Ещё не войдя, он услышал гвалт и оглушительный детский рёв, от которого у Гу Шутуна заболела голова.

Сегодняшний день должен был быть радостным, но всё испортили эти дразги. Теперь Фу Сьюэ наверняка придётся несладко.

Гу Шутун чувствовал себя виноватым, но дело было сделано — оставалось только разбираться.

Интересно, чей же это отпрыск, что позволяет себе так бесцеремонно шуметь в гостях?

Оказалось, этот маленький тиран — двоюродный брат второстепенного персонажа, младший сын в семье, любимый внук старого господина Чжана, баловень всех родственников. Оттого и характер у него такой испорченный.

Тут нужно прояснить родственные связи. У старого господина Чжана двое детей, и у каждого — по единственному сыну. Они и есть его сокровища. Так что второстепенного персонажа зовут Чжан Чжэнь, а маленького тирана — Чэнь Цзюэ. Домашние прозвища у них — Да Бао и Сяо Бао соответственно.

Войдя в зал, он убедился, что ревет именно Сяо Бао. Рядом с ним суетилась нарядная женщина лет тридцати с небольшим, причитая: «Сяо Бао, Сяо Бао». Гости не столпились вокруг, а стояли поодаль, перешёптываясь, но все взгляды были устремлены в одну точку.

Сяо Бао заметил Гу Шутуна краем глаза и, забыв о слёзах, тут же начал жаловаться матери:

— Это он меня укусил, так больно! Мама, ты должна за меня заступиться!

Увидев, как сильно покусали её сына, женщина, естественно, разъярилась. Однако, помня о родственных связях и статусе Фу Сьюэ, она с трудом сдержала гнев, подвела ребёнка к Фу Сьюэ и произнесла с резкой ноткой в голосе:

— Младший брат, как можно выходить с собакой без поводка?

Оказалось, она была сестрой мужа старшей сестры Фу Сьюэ и на несколько лет его старше, потому и обращалась так.

Фу Сьюэ нахмурился, не желая вступать в разговор.

— Посмотри-ка, — она подняла руку ребёнка, — до крови искусал! Вдруг бешенство подхватит?

На маленькой ручке красовались два аккуратных полукружия от зубов. Содранная кожа слегка завернулась, что смотрелось пугающе, но крови было немного — лишь маленький запёкшийся сгусток.

Фу Сьюэ бросил беглый взгляд:

— Так чего же вы до сих пор у врача не были?

Женщина запнулась:

— ...Сейчас же поедем!

Когда шумный сорванец был уведён, дама вместе со своей свитой перешла в наступление.

— Собака, которая кусается, — это всегда риск, а уж для ребёнка и подавно!

— Именно! Мало ли, вдруг бешенство!

— Я слышала...

Родственницы перебивали друг друга, как вдруг из-за спины Фу Сьюэ возникла полная незнакомка:

— Ой, господин Фу, да у вас же дворняжка?

Гу Шутун лежал лицом к Фу Сьюэ, подставив зрителям лишь затылок, но женщина рядом разглядела его всяческие уши и короткую морду и сразу смекнула, что за порода.

Фу Сьюэ слегка кивнул. Незнакомка продолжила:

— Ну вот, понятно. Дворняжки самые злые, вечно кусаются.

Окружающие, услышав это, закивали: дворняжки, конечно, сторожа хорошие, но для чужаков и впрямь слишком суровы.

Мать Сяо Бао полагала, что у Фу Сьюэ какая-нибудь породистая собака, а узнав, что дворняжка, не удержалась:

— Не в обиду будь сказано, но дворняжки всё же не так послушны, как другие собаки. Вот у нас самоед — ласковый, никогда никого не кусал. Если уж заводить собаку, то нужно выбирать покладистую и смирную. Послушай меня, младший брат, заведи себе другую, послушную собаку, а то как бы эта тебя самого не цапнула.

<http://bllate.org/book/15954/1426656>